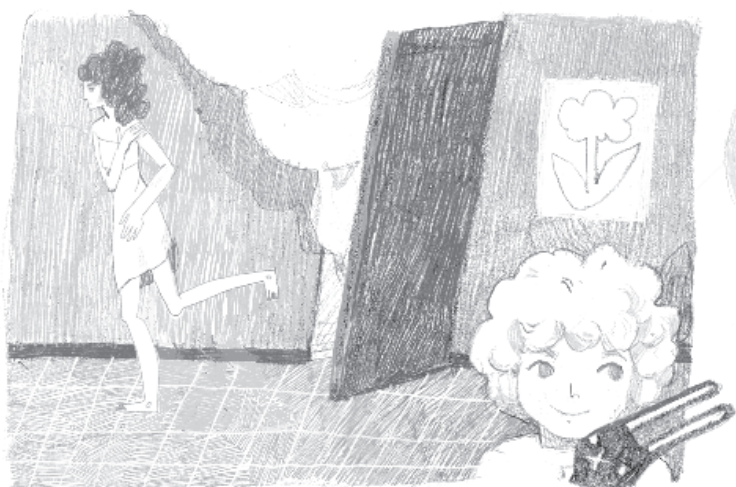

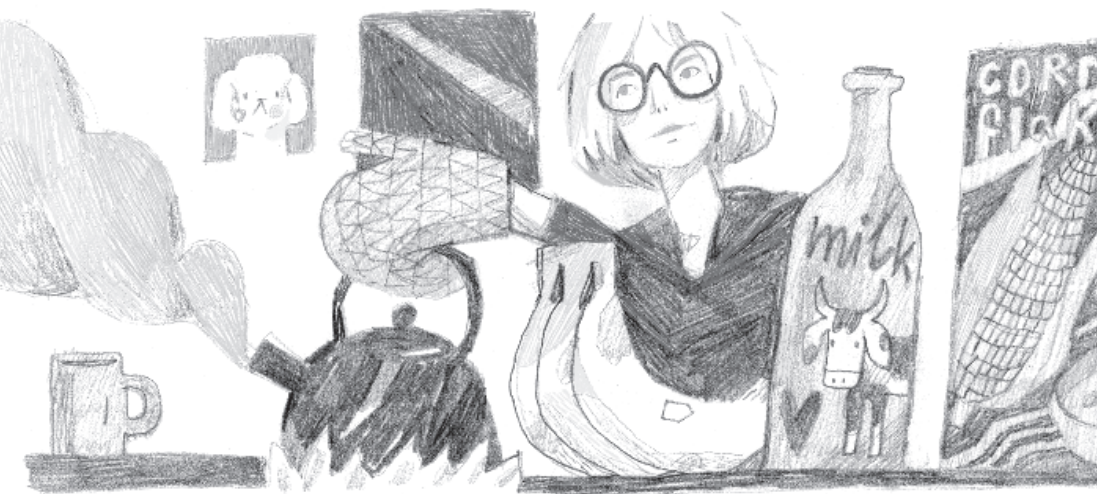
*Посвящается Бриджит и другим
полуночным гостям.
Гавернорс-Бей, 1983*

I

Предостережение

Хотя на флаконе значилось «ПАРИЖ» и была изображена Эйфелева башня, выглядывающая из-за голого плеча немислимой красавицы, но под картинкой пришлось им все-таки мелким шрифтом признаться: «Сделано в Новой Зеландии. Лаборатория Уисдом, Парапарауму».

На минуту Лора вообразила, что стоит только вымыть голову этим шампунем, и выйдешь из-под душа такой же немислимой красавицей, да еще и перенесешься прямо в Париж. Но, раз перенестись все равно можно будет не дальше Парапарауму, то, значит, мыть голову вообще не имеет смысла. Да и не успеют волосы высохнуть до школы, придется

половину уроков просидеть с холодными ушами. Такова суровая правда жизни; и, что шампунь — новозеландский, тоже факт, никуда от него не деться. Сколько ни воображай, другим человеком не сделаешься, и ожидающее тебя утро тоже какое есть, таким и останется, и невозможно, намылив волосы, сразу перенестись в другой, прекрасный город, где обитают одни художники, попивают себе вино и едят блины, приготовленные на коньяке.

В кухне отчаянно заверещал вскипевший чайник, умоляя, чтобы его сняли с огня. Лора очнулась, вышла из-под душа, и оказалось, что полотенца на вешалке нет. Слышно было, как за стеной прошла по кухне Кейт, мать Лоры, и прекратила страдания чайника. Лора попробовала отряхнуться пособачьи, но, естественно, ничего не получилось.

— Ма, полотенца нет! — с досадой крикнула Лора и тут как раз увидела, что оно валяется скомканное на полу у двери. — Ах, вот! Нашла. Ой, оно мокрое!

— Раньше под душем — полотенце суше, — отозвалась из кухни Кейт.

Зеркало висело в самом запотевающем углу ванной, и в нем возник лишь туманный призрак. Но так даже лучше — Лора не вполне уверена в своем отражении и частенько только рада, когда оно не четкое, а мутное. Как она ни старается застать свое лицо врасплох, ничего толком не выходит, и, какое оно на самом деле, полной ясности нет. С телом проще — есть даже основания для некоторого оптимизма.

— Издалека ты выглядишь уже вполне ничего, — заметила на днях ее школьная подруга Ники. — Но вблизи портится все впечатление. Вблизи ты смотришься простовато.

Попроси мать, чтобы тебе сделали модную стрижку, светлую прядь надо лбом, что ли.

Но Лора светлой пряди не хотела. Она почти все время была довольна тем, что у нее простой вид и что она живет простой жизнью с мамой и братиком Джеко. Хотя иногда, перед зеркалом, слова Ники вспоминались как комплимент, как намек на то, что теперь возможны перемены, стоит только пожелать.

За дверью большой комнаты, напротив через коридорчик, пришла очередь жалобам Кейт.

— Не могла же я вчера вести машину в одной, — говорила она. — Я бы наверняка заметила, когда переключала скорость.

— Туфля пропала! — объявил Джеко, когда Лора, обмотанная мокрым полотенцем, пробежала мимо в свою комнату.

Захлопнув за собой дверь, она остановилась и замерла. Ей на мгновение стало почему-то страшно, хотя совершенно ничего необычного она не увидела и не услышала. Вот, опять. Какая-то вибрация, словно тронули струну.

— Я всё, абсолютно всё обыскала, — говорила Кейт с обычным утренним отчаянием в голосе. Лора отмахнулась от необъяснимого внутреннего трепета и принялась торопливо надевать школьную форму — все положенное, только трусы другие. Девчонки считали для себя делом чести не носить форменные трусы — запрет строже самых строгих школьных запретов.

— Это произойдет, — сказал голос.

— Что произойдет? — спросила Лора и тут же поняла, что голос раздался не снаружи, а в ней самой.

«Это предостережение», — подумала Лора. И похолодела. С ней такое и раньше уже бывало, не часто, но бывало — и прочно застревало в памяти. Казалось бы, раз тебя предостерегают, значит, можно что-то сделать, как-то предотвратить нежелательное, но всякий раз оказывалось, что такой возможности нет. Предостережение просто означало, что она должна быть готовой к чему-то, должна собрать все силы.

— Туфли нет и нет! — сообщил Джеко, комментируя ход событий.

Лора взяла щетку для волос и встала перед зеркалом, которое висело у нее в комнате, — самое лучшее зеркало в доме, потому что на него падал прямой свет из окна. Она принялась себя рассматривать.

«Я уже не выгляжу как маленькая», — сказала себе Лора, стараясь не думать про предостережение, чтобы оно само отстало и ушло. Но отражение в зеркале подвело ее. Глядя на него, она уже не беспокойство почувствовала, а страх.

Небольшие перемены иногда пугают сильнее больших. Если бы Лору спросили, откуда она знает, что это не ее лицо, она бы не смогла указать ни одной чужой черточки. Волосы — ее, и глаза — ее, в обрамлении угольно-черных ресниц, которыми она особенно гордилась. Но при всем том лицо было не ее, ему было известно нечто, о чем сама Лора не ведала. Оно смотрело из таинственного мира, полного страхов и удовольствий, с которыми она была мало знакома. В этом не было никаких сомнений. Будущее предостерегало ее — но при этом еще и манило.

— Немедленно прекрати! — приказала Лора строго, потому что ей было страшно, а она, когда боялась, могла так разозлиться, что ого-го! Поморгала, потрясла головой — и вот уже в зеркале обычная, прежняя она: темные мелкие кудряшки волос, карие глаза, смуглая кожа — не то что у ее светловолосых матери и братика. Это гены вздумали таким образом почтить память одного из ее восьми прапрадедов, который был полинезийским воином.

— Спасите-помогите, — сказала Лора и бросилась через коридорчик в комнату мамы и Джеко. Там оказалось пусто на первый взгляд, но только потому, что Кейт на четвереньках шарила в эту минуту под кроватью: а вдруг туфля за ночь умудрилась туда запрятаться.

— Мам, — сказала Лора. — Мне было настоящее, серьезное предостережение. Я не шучу!

— О чем ты? — глухо донесся из-под кровати раздраженный голос Кейт.

— Опять это случилось, — ответила Лора.

— Сама знаю, что опять это случилось, — отозвалась Кейт, но она явно имела в виду другое. — Второе утро подряд. Пусть мне кто-нибудь скажет, как вполне заурядная — вернее даже, довольно дорогая — туфля могла за ночь куда-то удрать? За ответ назначаю награду.

— Я посмотрелась в зеркало, и мое отражение вдруг сделалось старше.

— Доживешь до моих лет, и с тобой это будет происходить каждое утро, — провозгласила Кейт из-под кровати. — Здесь нет ничего, кроме пыли.

На пороге стоял Джеко, держа в руке кусок любимого старого одеяльца по имени Шерстик, и наблюдал за сестрой и мамой, словно ему показывали цирковое представление.

— В мире произошло что-то странное, — пожаловалась Лора. — Мне сегодня опасно выходить. Лучше я останусь дома и лягу на всякий случай в хорошую крепкую постель. Напишешь записку?

— Записку в четверг?! — отозвалась Кейт, выбираясь из-под кровати и отряхивая ладони. — Да ты с ума сошла, Лора! В четверг я слишком нуждаюсь в твоей помощи. Сегодня работаю до вечера — кто же вместо меня зайдет за Джеко? Кто приведет его домой, накормит ужином и почитает ему книжку перед сном? Нет уж. Никаких записок по четвергам, и это мое последнее слово.

— Я дня не выбираю, — сказала Лора, уже уступая. — Это он меня выбирает.

— Четвергу не разрешается тебя выбирать, — твердо распорядилась Кейт, как будто можно влиять на судьбу, просто проявляя непреклонность. — Веди себя поосторожней, и все. Смотри в оба. Не попадайся на глаза учителям.

— Ой, мам, ну разве в этом дело? Это предостережение о чем-то важном. Ты совершенно не понимаешь.

— Ты мне потом объяснишь, — сказала Кейт, но Лоре было ясно, что объяснить ничего нельзя. Такие вещи не выразишь словами. Нужно, чтобы люди тебе верили, а это значит — слишком много от них требовать, тем более с утра, когда жизнь разбегается по трем разным направлениям и только одно из них твое.

Тут Кейт осенило воспоминание. Припадая на разутую ногу, она бросилась в большую комнату, и действительно: туфля на каминной полке! Вчера вечером, стоя у пустого камина, Кейт по рассеянности поставила туфлю наверх, когда разглядывала рисунок Джеко — групповой портрет счастливого семейства, другого он ничего рисовать не умеет. Он изобразил их всех: Лору, себя и Кейт — страшненькие, квадратные, головы огромные, ножки коротенькие, улыбки во все лицо и даже шире. Под впечатлением от этих улыбок Кейт успокоилась и снова стала ходить ровно. Туфля послушно вернулась к ноге хозяйки и была прощена.

А вот Лоре, которая оторвалась от действительности, примирение давалось не так легко. Она взглянула на небо. Еще несколько минут назад оно было красивое, ясное и доброе, но теперь у нее появилось такое чувство, будто оно всей тяжестью лета навалилось на дом и дышит ей в лицо горячим волчьим дыханием.